между латинским и румынским языком. Такие румынские слова, как Crăciun (рождество), colinda (коляда), Rusalii (весенний праздник) и troian, не являются прямыми заимствованиями из латинского языка соответствующих слов creatione, calendae, Rosalia и Traianus, а воспроизводят характерные черты слов древнего южнославянского языка: kračun, kolenda, rusaliia, Troian. Некоторые исследователи называют этот старославянский язык берегов Дуная «дако-славянским» языком (Bernstein, E. Petrovici).[60]

Следовательно, тезис французского автора Л. Леже должен быть изменен в том смысле, что, с одной стороны, традиция почитания императора Траяна не могла начаться у даков, предков нынешних румын, а с другой стороны, не может быть речи об обожествлении его, а только о заимствовании имени.

Хотя мы не имеем никаких исторических данных для дако-румын VI—VII вв. н. э., но сохранился как исторический пережиток давних времен термин «rumîn» (румын), означающий человека, говорящего на латинском языке (римлян), и в то же время подневольного, крепостного человека. По традиции с тех пор в русском языке сохраняются названия «румын» и «Румыния», хотя румыны называют себя «ромынами» (romîni), а свою страну — «Ромыния» (Romînia). Славяне находились тогда на положении владык, а румыны в своей массе — в положении полузависимых людей. Естественно, что заимствование и подражание должны были идти от высшего социального слоя к низшему, а не наоборот. Именно таким путем и мог получиться от имени императора Траяна румынско-славянский языческий бог в славянской языковой форме Троян.

Очень возможно, что почва для этого была подготовлена всем предшествующим развитием культуры на Балканском полуострове, в том числе и болгарскими и сербскими сказками о царе Трояне с ослиными или козлиными ушами, как предполагал Ф. И. Буслаев и допускает Н. С. Державин, и что настоящим фундаментом для этих сказок в конечном счете были фригийские сказания, как полагал Вс. Миллер.[61]

Однако здесь необходимо несколько остановиться, чтобы показать, что является приемлемым и что неприемлемым в предположениях Вс. Миллера.

Согласно сербской сказке, приуроченной к развалинам города Трояна на горе Цере, царь Троян с козьими ушами ездил ночью в Срем к своей возлюбленной и возвращался поутру до восхода солнца из боязни быть растопленным им. Когда кони успевали съесть корм, а петухи начинали петь, он отправлялся домой. Однажды муж или брат любовницы вырвал петухам языки, а коням дал песок вместо овса. Из-за этого царь Троян замешкался и на обратном пути был растоплен солнцем (сказка фигурирует в словаре Вука Караджича).

Вс. Миллер возводил эту сказку к фригийским преданиям о царе Мидасе с ослиными ушами.

И так как луна олицетворялась с ослом, а осел в мифологических сказаниях получил фаллический характер, то автор вывел отсюда заключение, что и Троян, заступивший место Мидаса, — лунное и фаллическое божество. «Фригийский царь Мидас, — пишет Вс. Миллер, — получил у южных славян, поселившихся в той местности, где ходили о нем сказания, имя царя Трояна... Работа народной фантазии в создании некоторых песен о Трояне ограничивалась лишь тем, что приурочила черты Мидаса к историческому имени императора Траяна».[62]

---

[60] Al. Rosetti. Influenţa limbilor slave meridionale asupra limbii romîne (sec. VI—XII). Bucureşti, 1953, стр. 25; по первому изданию этой работы (1950) — стр. 32—33.

[61] Вс. Миллер. По поводу Трояна и Бояна..., стр. 240—248.

[62] Там же, стр. 247. (Разрядка наша, — *А. Б.*).